

К 100-летию скорбной даты в истории государства Российского — расстрелу в подвале Ипатьевского дома Императора Николая II и его венценосной семьи, верных Романовым лейб-медика, повара, камердинера и горничной, приурочено открытие Музея царя-страстотерпца Николая II и его семьи. Он расположен в выставочном зале Музея Русского искусства, бывшей усадьбе Струйских, что находится в центре Москвы, в Токмаковом переулке, и стал продолжением с успехом состоявшейся в этих стенах выставки "Семья Императора".

ИНИЦИАТОР СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ — Александр Ренжин, читатель газеты "Завтра" хорошо знакомый. Художник-реставратор, действительный член Императорского Православного Палестинского Общества, меценат, коллекционер в старинном понимании этого слова (в современном, коллекция — это бизнес); в его собрании — несколько тысяч артефактов, так или иначе связанных с именем Николая II. Уникальность, бесценность каждого, помимо прочего, состоит ещё и в той жертвенности, с которой русский человек на протяжении века хранил с ним память о последнем царе.

Император Николай II (1896 год, Лондон) и Наследник цесаревич Алексей в казачьей форме.

Музей царя-страстотерпца Николая II и его семьи — второй проект Александра Ренкина, в 2008-м часть своей коллекции он передал в дар Николо-Угрешскому монастырю (город Дзержинский, Московская область). Центральная часть настоящего музея — фотографии. Увеличенные с фотооткрыток с помощью специальных технологий до размеров метр на полтора. И на этом пути ждал сюрприз. В архиве Александра Ренкина больше двадцати лет находится фотография принцессы Дагмары, будущей Императрицы Марии Фёдоровны с её старшей сестрой — принцессой Александрой. Сделали увеличение. Оказалось?! Из-за платья принцессы Александры с озорной улыбочкой выглядывает маленькая сестрёнка Тира! Кроме того, в музее представлены иконы, предметы декоративно-прикладного искусства, коронационные реликвии. И с каждым из предметов посетителя музея ждёт, пусть небольшое, но открытие.

Вот блёкло Копенгагенского фарфорового завода с росписью Императрицы Марии Фёдоровны. Немногие знают, что Императрица была замечательной художницей. Копенгагенскому фарфоровому заводу она оставила более тысячи художественных эскизов. На блюде изображена рыба-камп. В восточной символике камп — царская рыба. Вот фотография Великой княгини Ольги Александровны, сестры Императора Нико-

лая II, 1916 год. Ольга Александровна представляет свои живописные работы на выставке перед аукционом. На вырученные деньги будет создана лаборатория для всех видов медицинских анализов при Царскосельском лазарете...

Предлагаем и читателю газеты "Завтра" совершить короткую виртуальную прогулку по залам Музея вместе с его создателем, послушать комментарии, сложить мозаичное панно из гюлов истории, что надёжно запечатаны в каждом предмете коллекции. Рассказ предваряет Александр Ренжин: "Даже если бы мы с вами не знали, что изображен на этих фотографиях, очевидно — это благороднейшие люди. Настолько высок у этих людей уровень блестящего благородства, что ни-

ПАМЯТЬ О ПОСЛЕДНЕМ ЦАРЕ

К открытию Музея царя-страстотерпца Николая II и его семьи

Император Николай II (1896 год, Лондон) и Наследник цесаревич Алексей в казачьей форме.

какая грязь, никакая "матильдовщина" пристать к ним не может. Они все на небесах, за нас молится. Уверен, что Россия-матушка возродится именно потому, что мученической смертью ушла от нас Царская семья".

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ФОТОГРАФИЙ

ПРЕДМЕТ 1. Наследник цесаревич Николай с индийским магараджей во время путешествия на Восток (1891 год).

Государь Император Александр III отправляет цесаревича Николая Александровича посетить двенадцать государств Востока и Азии, встретиться с первыми лицами и при возможности заключить торговые соглашения. Экспедиция длилась год, предусматривала и другую задачу: караван военных судов, сопровождающий цесаревича, заходя в порты иностранных государств, выполнял специальные разведывательные поручения. Экспедиция с задачами справилась настолько блестяще, что Император Александр III был просто рад, что сын осуществил его замысел.

ПРЕДМЕТ 2. Наследник цесаревич Николай в городе Оцу, где на него было совершено покушение (1891 год).

После посещения озера Бива цесаревич с двумя принцами — греческим Георгом и японским Арисугавой — возвращался в Киото, через Оцу, где психически ненормальный полицейский Цудза Сандзо кинулся к колыске, в которой рикша вёз Николая и саблей успел нанести два удара, но ударом трости принц Георг сбил нападавшего с ног. Полученные раны были не тяжёлыми, и цесаревич Николай отбыл на крейсер "Память Азова", где отметил своё 23-летие, и вскоре отбыл во Владивосток.

ПРЕДМЕТ 3. Визит будущей супружеской четы цесаревича Николая Александровича и принцессы Гессенской Алисы к отцу принцессы, Великому герцогу Гессенскому и Рейнскому Людвигу IV в Кобург (1894).

ПРЕДМЕТ 4. Император Николай II в форме полного адмирала британской армии (1908 год). Супруга Императора Николая II, Императрица Александра Фёдоровна, была внучкой английской королевы Виктории. По статусу Император Николай II стал частью Английского двора. На груди его высшая награда Британской империи — золотая медаль королевы Виктории.

ПРЕДМЕТ 5. Император Николай II в форме рядового солдата с наследником цесаревичем Алексеем на руках (1910 год).

Император Николай II совершил марш-бросок (10 км) с полной выкладкой. По результатам марш-броска были внесены дополнения и изменения в форму (петли на солдатских сапогах, потник на фуражке и другие замечания) для удобства солдата.

ПРЕДМЕТ 7. Императрица Александра Фёдоровна в парадном платье (ок. 1900 г.).

Платье Императрицы Александры Фёдоровны украшено английским кружевом. Выйдя замуж за императора Николая II, Императрица освоила мастерство русского кружева, плетёного на коклюшках. На фотографии — платье, в создании которого принимала участие сама Императрица. Александра Фёдоровна прекрасно шила, вышивала и обучала этому дочерей. Девочки воспитывались в трудолюбии, развлечением являлось чтение вслух и музицирование. Всё остальное время посвящалось занятиям и рукоделию.

ПРЕДМЕТ 8. Императрица Александра Фёдоровна с её автографом. Редкий снимок, сделанный в Царском Селе придворным фотографом Люцианом Гордеевичем (1900-е годы).

Примечателен "провенанс" портрета: из бывшего собрания Патриарха Алексия I (Симанского). По преданию, рядом с кабинетом Святейшего находилась мемориальная комната, где он хранил предметы, связанные с семьёй императора Николая II. Патриарх Алексий I (Симанский) почил в 1970 году, судьба коллекции неизвестна. Спустя годы некоторые предметы коллекции попали на антикварный рынок.

ПРЕДМЕТ 9. Наследник Цесаревич Алексей на руках у Государя Императора Николая II, в кругу семьи: Императрицы Александры Фёдоровны, сестёр Ольги, Татьяны, Анастасии, Марии (1904 г.).

Первая фотография Наследника. Судя по документам, цесаревич был мальчиком умным, с характером, довольно бесстрашным. Просил отца, чтобы тот его везде брал с собой, в частности на линию фронта. При этом любой ушиб (не говоря про ранение) мог закончиться для него смертью. Тем не менее с отцом он прошёл всю линию фронта.

ПРЕДМЕТ 10. Наследник Цесаревич Алексей рядом с любимой собакой Джоем (1916 г.).

После трагических событий в Екатеринбурге спаниель Джой был вывезен в Англию, где от него осталось потомство.

ПРЕДМЕТ 11. Наследник Цесаревич Алексей в кругу учителей: Владимира Воейкова, Пьера Жильяра, Чарльза Гиббса и Петра Петрова (1916 г.).

Государь Император Николай II даже в поездках на линию фронта не оставлял обучение цесаревича. Готовил достойного будущего правителя своей страны. Цесаревич был блестяще воспитан. Из него, конечно, мог бы получиться настоящий Государь.

Известно письмо, написанное Наследником Цесаревичем учителю Петру Васильевичу из места ссылки Царской семьи, города Тобольска, от 27 ноября 1917 года:

Дорогой Пётр Васильевич. Очень благодарю Вас за письмо, все читали. Я очень извиняюсь, что я Вам не писал раньше, но я в самом деле очень занят. У меня каждый день 5 уроков, кроме приготовлений, и, как только я освобождаюсь, я бегу на прогулку. День проходит незаметно. Как Вы знаете, я занимаюсь с Клавдией Михайловной (Битнер), по русск., по арифм., по ист., и геогр. Крепко обнимаю. Поклон всем. Часто вспоминаю Вас. Храни Вас Бог".

ПРЕДМЕТ 12. Государь Император Николай II с британским королём, Георгом V (1893).

Георг V клялся в верности Николаю II, своему двоюродному брату. Однако, после государственного переворота в России, когда Николай II принял решение остаться в России, а семью отправить в Англию, Георг V предательски отказал принять у себя Царскую семью.

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

ПРЕДМЕТ 1. Лента Императрицы Александры Фёдоровны с её личным вензелем. Из бывшего собрания Патриарха Алексия I (Симанского).

В 1907 г. в Санкт-Петербурге проходил певческий фестиваль, организованный немецкой общиной. Императрица Александра Фёдоровна освятила фестиваль своим присутствием, её парадный наряд был украшен этой лентой. Лента существует в единственном экземпляре.

ПРЕДМЕТ 4. Икона (семейная), написанная по заказу Императора Александра III в 1884 году — с памятной надписью в картуше о трагической гибели Императора Александра II. В центре иконы Архангел Михаил — небесный покровитель основателя династии Романовых, Михаила Фёдоровича. Вокруг — святые, тезоименитые царской семьи Императора Александра III. Икона была унаследована Императором Николаем II.

ПРЕДМЕТ 5. Икона, написанная в 1896 году специально на коронацию Императора Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны (мастерская Осипа Чирикова).

ПРЕДМЕТ 7. Будильники (два одинаковых) с портретами Императора Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны. Один выпущен специально на коронацию в 1896 году. Второй — выпускавшийся до 50-х годов XX века на Московском часовом заводе с циферблатом от оригинального будильника.

ПРЕДМЕТ 8. Бокал, жёсть в эмали. Автор дизайна — Государь Император Николай II. Был создан к коронационным торжествам. Реплика бокала в фарфоре сделана на Мейсенском заводе в Германии.

Продолжение экскурсии по залам Музея царя-страстотерпца Николая II и его семьи ждёт вас по адресу: Москва, Токмаков пер., д. 2/12, с. 1.

МАРИНА АЛЕКСИНСКАЯ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

К юбилею В.Н. ОСИПОВА

9 АВГУСТА исполнилось 80 лет Владимиру Николаевичу Осипову. Эта дата наверняка не привлечёт внимания высоких лиц государства, о ней не расскажут федеральные каналы. И вряд ли его юбилей почтёт своим вниманием члены Синода и другие высокие иерархи.

Ибо такое время, точнее — период безвременья, когда истина и подлинность совсем не в чести.

Осипов размышлял и говорил о христианстве, когда большая часть нынешних ньюсмейкеров ещё не родилась. Студент истфака МГУ, он был отчислен за выступление в поддержку арестованного однокурсника. Уже тогда, в пору юности, он сполна проявил свой несгибаемый жертвенный характер, способность пожертвовать карьерой и столь ценным в сегодняшнем мире "успехом", серьёзно помочь себе жизнь ради справедливости — говоря евангельским языком, пострадать "за други своя". Уникальное для нашего времени качество, какого ныне днём с огнём не сыщешь.

Таким он был и после, практически всю жизнь.

Незаурядный интеллектуал, талантливый и перспективный историк, он долгие годы молодости был вынужден "вкляпывать" на совсем простой работе — заниматься тяжёлым физическим трудом, чтобы заработать на пропитание. Система всегда была начеку, тщательно охраняя себя от таких, как Осипов, — кто осмеливался мыслить и чувствовать совсем самостоятельно. Характерно, что ныне, когда Российское государство не преследует за инакомыслие (а если и пытается это делать, то получается у него совсем неудачно), довольно беспомощно (и мягко), увесистые камни порою летят в него из так называемой патриотической среды, от тех, для кого патриотизм есть синоним угодничества и лояльности по отношению к "власти", а не любовь к Родине и её народу.

Начиная с конца 1960-х годов так называемое диссидентское движение представляло собой квазиполитическую среду, в которой преобладали коммунистические "ревизионисты" и либерально-западники. Русские, да ещё православные, патриоты встречались куда как реже — по сути, представляли собой серьёзное исключение. Но Осипов, в общем, и не был диссидентом в обычном смысле этого слова. Ибо в основе его деятельности лежала отнюдь не политическая борьба с режимом, не оппозиция и обличения "советской власти", а борьба скорее духовная и интеллектуальная, борьба за высшие смыслы. Издававшийся им самиздатский журнал "Вече" включал многие тексты, например, тех же славянофилов, которые отнюдь не были официально запрещены или запрещены в "спецхран". Он боролся не "против", а "за": как справедливо указывал "Вестник РХД", "сохраняя позицию гражданской лояльности, призвал читателя сосредоточить своё умение и своё внимание на внутренних проблемах национальной жизни". Эта позиция выражалась, в частности, в том, что издатель указывал в журнале свои подлинные координаты: адрес и телефон.

Однако характерно, что если политические диссиденты западного "разлива" получали от родного государства порой довольно мягкое наказание, то такие, как Осипов, "прессовались" по полной программе (в общей сложности Владимир Николаевич отсидел лет пятнадцать). Дело было, естественно, сфабрикованным: двое свидетелей, утверждавших, что журнал Осипова финансировался из-за рубежа, на суде отказались от своих показаний, но судебное решение всё равно основывалось на них. А напечататься на Западе тогда считалось преступлением, сравнимым разве что с покушением на жизнь членов Политбюро...

И уже в наше время пытались его обвинять в том же "шовинизме" (то есть, попросту говоря, в верности православию и русским ценностям), но дело быстро заглохло. Владимир Николаевич прошёл долгий путь и много сделал на этом пути. И на протяжении всей жизни никогда не приспосабливался, не жертвовал истиной. По сути, по природе своего таланта и своей многогранной деятельности он всегда был и остаётся просветителем, держателем традиционного русского смысла — в условиях, когда русскую православную традицию не любят и не понимают, когда безграмотность и беспамятство, увь, доминируют в обществе.

Дорогой Владимир Николаевич! В день Вашего славного юбилея помните: Вы не одиноки в вашей борьбе за наше общее русское дело! Пусть раздражаются и посмеиваются прагматичные полубразованные карьеристы и боящиеся всего и вся, самозабвенно угождающие псевдопатриоты. Мы верим в нашу победу, в то, что Господь снова воздвигнет Великую Россию из этих развалин, что Святая Русь, ныне пребывающая на Небесах, вновь вернётся на нашу грешную землю. И тогда Вы будете у Бога среди первых, тех, кто в торжестве и славе воздвигается и возвешается радостно великой. Многая Вам и благая лета!

Владимир СЕМЕНКО

Город, как голос наяды, В призрачно-светлом былом, Кружев узорной аркады, Воды застыли стеклом.

Николай ГУМИЛЁВ

ПОЖАЛУЙ, нет города (за исключением Парижа!), о котором так много бы писалось, говорилось, менталось. Венеция издавна притягивала своей непостижимостью, волшебным светом и болезненным очарованием. Да. Венеция — это сплюснотый окскоморон. Усмешка мизогония. Город-призрак, живущий тем не менее в настоящем. Мекка для туристов, как утверждают банальные тур-бюрократы. "Это была Венеция, ластивая и подозрительная красавица, — не то сказка, не то капкан для чужеземцев; в пыльном воздухе её некогда разнузданно и буйно расцвело искусство, и своих музыкантов она одарила нежностями, коварно ублаживающими звуками", — писал о Венеции Томас Манн, создавший наиболее точную и злую картину венецианской зыбкости: устремление к вечной красоте оборачивается чем-то вроде смрадной воды из летнего канала.

Венеция — сказка. Старинные здания Горят перламутром

в отливках тумана.

На всём бесконечная грусть увяданья Осенних тонов Тишина, — заключил Максимилиан Волошин, как и многие, фиксируя перламутр, сказку и увядание. Город, затягивающий в сети и "взрывающий мозг". Неслучайно Фридрих Ницше так любил эти грани: "Венеция состоит из ста отдельных единств и в этом её магическое очарование". Вся она — сакральное пространство. Созвучие и противоборство камня и воды. "И был весь город дьявольским сосудом" — это уже Валерий Брюсов. Все поэты отмечают, что здесь особенный воздух, высокое небо и — всё какое-то роскошно-ветхое. Лёгкое и тяжёлое одновременно. Причём, оно было таковым и в начале XX столетия, и веком раньше...

Тяжелы твои, Венеция, уборы, В кипарисных рамах зеркала. Воздух твой гранёный. В стальные тают горы

Голубого дряхлого стекла, — выразил Осип Мандельштам. Любая выставка, посвящённая Венеции, привлекает внимание. В Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина открылась экспозиция "От Тьеполо до Каналетто и Гварди". Устроители сообщают, что "эта выставка — первый опыт равнозначного совмещения русской коллекции и итальянской". 23 работы приедут в Москву из Городского музея палатцо Кьериати в Венеции, 25 добавит Пушкинский музей, ещё 9 предоставит из своего корпоративного собрания банк "Интеза Санпаоло".

Тьеполо, Гварди, Каналетто — Гранитный век. Венеция и тогда воплощала утончённых коллекционеров и праздных богачей. Там царил культ музыки и балета. Завероживал маскарадный вихрь. Теорию Скарлатти и Вивальди, а по количеству театров "город на воде" опережал Париж и Лондон вместе взятые. Производились

тончайшие кружева, изумительные благоговения и столь редкой прелести зеркала, повторить которые никто и никогда не решился, а ещё — драгоценное стекло, хранящее сотни ремесленных тайн. Кипела деловая жизнь, воспитая Карло Гольдони — в его пьесах действуют предприниматели, юристы и прочие "поверенные в делах". Он же утверждал: "Поют на улицах, на площадях и на каналах. Торговцы поют, продавая свои товары, рабочие поют, возвращаясь с работы, гондолеры поют в ожидании своих господ. Основной венецианского характера является весёлость, а основой венецианского говора — шутовство". Расслабленность и бизнес, флирт и строгость, насмешка

денного. Вторым планом — волшебный ящик с глазком, куда смотрят посетители. Вероятно, там картины из жизни колониальных земель и прочего Дикого Запада. Рядом — услужливые парни. Судя по всему, ребята не прочь обыграть богатых горожанок. В тогдашней Венеции крутилось множество шулеров, авантюристов, мнимых "болгарских принцесс" и "королей Гипербореи". Всю эту развешёную братию обслуживали душещипательные лица-личины венецианцев, они даже в повседневной жизни носили "бауту" — карнавальную маску. Жуликоватая, но театральная-блестящая цивилизация.

ЗОЛОТАЯ И ВЕТХАЯ

Венеция и венецианский Галантный век в Пушкинском музее

дамы с веером и сухая латынь правоведа — это и были "сто единств", о которых впоследствии скажет Ницше. На выставке — картины бытия времён Гольдони и... Казановы — ещё одного примечательного венецианца. Мы как бы начинаем видеть город их глазами. "Царствует Венеция златая", — небрежно и гениально молвил Пушкин. Она действительно — златая. И обветшалая. Необычайной пикантности сочетание!

Первое, что сразу бросается в глаза — негигиеничность экспозиции. Помимо заявленных мэтров, большое число малоизвестных или вовсе неизвестных авторов. Выставка открывается фламандскими натюрмортом Якоба ван де Керкховена, "понаехавшего" из Антверпена и ставшего Джакомо да Кастелло (конец XVII в.). Вся эта могучая снесь на чёрном фоне: рыба, гранаты, винограды и битая дичь, — кажется тут случайной. И архаичной. В том же фламандском стиле написаны и работы Элизабетты Маркиони, настолько загадочной мастерицы, что датировка её жизни проставлена — XVII-XVIII вв. Сочные — в основном красные и белые — цветы на больших, тёмных полотнах. Это говорит о том, что Венеция была космополитическим городом, где переплетались различные течения и влияния.

Любопытны маленькие картины-сценки Пьетро Фалька, писавшего под фамилией Лонги. Он подглядывал и зарисовывал, придавая своим героям утрированный карикатурный облик. Венецианец по рождению и духу, он стремился запечатлеть окружающую действительность — но с юмором, как бы насмехаясь над согражданами. Его картины подобны проделкам папараци. Вот Лонги застаёт героев в тот момент, когда они любуются восточными диковинами ("Слон", 1774) или пытаются обмануть простокоса ("Шарлатан", ок. 1775). Две наивные, розовощекие дамы на картине "Новый мир" (1749—1759) — они разомлели от уви-

Экспозиция показывает, что итальянские мастера пытались — буквально из последних сил — продолжать ренессансный манеру. В большинстве случаев это выглядело вымученно ("Экстаз Святого Франциска" Джамбаттисты Пьяццетты, 1729). Тянут-потянут, вытянуть не могут. В случае с мифологическими сюжетами Луи Дорины (французским "гастарбайтером" в Италии) — это пафосное, местами дивное ремесленничество с покушениями на стиль Микеланджело. Гораздо милее и, главное, современнее автопортрет Дорины — в пышном парике и очаровательно кружевном жабо.

Поражают масштабом композиции Джамбаттисты Тьеполо: "Смерть Дидоны" (1760-е гг.) и в особенности монументальное зрелище "Время, открывающее Истину" (ок. 1745). Хронос изображён, как и принято, седобородым и жилистым стариком, тогда как Истина — игривая кокетка, vyplненная в стиле рококо: даже причёска такая же, как у венецианских и версальских дам — с цветками в подвитых волосах. Не обошлось и без жемчужного ожерелья — по моде тех времён, под горнышко, дабы подчеркнуть юность пухлой шеи. Бледноватое небо цвета "три-де-перль" и — облака. Анна Ахматова говорила о венецианском небе:

Как на древнем, выцветшем холсте, Стынет небо тускло-голубое...

Вокруг режутся хулиганские купидоны. Занимательная символика — земной шар (кстати, сине-голубого оттенка, почти как из космоса) и коса — атрибут Смерти. Истина держит в руке светящийся шарик-солнышко — что характерно, у солнышка есть лицо. Плавфонные сюжеты (а Тьеполо чаще всего и трудился над украшением дворцовых потолков) — это всегда мощный замысел, так или иначе связанный с владельцами и заказчиками резиденции.

Совсем иная стихия — рисование города с натуры. Тесные, пёстрые улочки,

тенистые уголки, водная гладь — всё то, что именуется veduta. Тщательная прорисовка домов, деревьев и вывесок, лавок, занавесок, а ещё — руин и всяческого хлама. Ведута — констатация. Именно ведуты приобретал путешественник в память о пребывании, чтобы повесить их в своём заснеженном Отрядном или туманном Баскервиль-Холле. Вот — светлая картина Микеле Мариески. "Вид Большого канала в Венеции с Фондаменты дель Вин" (ок. 1740). Стоять и рассматривать. Весомо и зримо, а кое-где — грубо. Художник запечатлел всё, как видел — и красу гондол, и тотальную общерпанность. Правда, венецианские лохмотья имеют неповторимый шарм. А вот — пе-

в Венеции" (1780-е гг.) — это фотографически верный образ. Перед нами Пьяцетта Сан-Марко с выходом на залив и остров Сан-Джорджо Маджоре. Зритель видит угол Палатцо Дукале и здание Библиотеки Сан-Марко. Интересен сюжет Франческо Дзуккарелли. "Идеальная ведута Виценцы с аллегорией прославления Андреа Палладия" (1730-е гг.). Действие перенесено в XVI столетие и мы наблюдаем не только строения, но и людей, одетых в костюмы "века Палладия". Эта вещь сделала Дзуккарелли востребованным, и он долгое время процветал в Англии, где его окружили почётом, а точнее — измучили заказами. Итальянские и, в частности, венецианские мастера ездили по всей Европе в поисках выгодных контактов.

Интернет-критики отметили, что выставка собрала "не шедевры", а сформировалась по принципу "вывалим-ка что-нибудь про Венецию". Доля правды здесь имеется — устроители хотели показать не жемчужины, а всю палитру. Отсюда — не

«Возвращение Буччинторо к молу у Дворца дождей» (1730). Художник КАНАЛЕТТО.

чала вещь Себастьяно Риччи и Марко Риччи. "Перспектива с руинами и людьми" (ок. 1710). Бытие итальянцев — это всегда "после Рима", после триумфа, который у них случился в древности и не повторился уже никогда. Наиболее эффектный вид — на картине Джованни Антонио Канала, известного в мире искусств, как Каналетто "Возвращение Буччинторо к молу у Дворца дождей" (ок. 1730) Классическое парадное (!) понимание Венеции: синева, злато, гондолы, палатцо. Денежный и светлый мир.

В XVIII столетии сделали популярными "каприччио" — вольные и произвольные композиции, где натура смешана с вымыслом. Франческо Гварди тут представлен "Архитектурной фантазией с разрушенной готической аркой" (1780-е гг.) и некоторыми другими вполне реалистичными работами — сродни ведутам. Так, "Вид Пьяцетты

самые феерические работы. Этим и завлекательная экспозиция: мы погружаемся в атмосферу художественной жизни XVIII века и создаём не только самые-самые, но и обычные, проходные вещицы, составляющие девяносто процентов любого творческого явления. И ещё — Венеция удивительно... равнодушный город. При всей карнавальности и внешней щедрости.

Интернет-критики отметили, что выставка собрала "не шедевры", а сформировалась по принципу "вывалим-ка что-нибудь про Венецию". Доля правды здесь имеется — устроители хотели показать не жемчужины, а всю палитру. Отсюда — не

самые феерические работы. Этим и завлекательная экспозиция: мы погружаемся в атмосферу художественной жизни XVIII века и создаём не только самые-самые, но и обычные, проходные вещицы, составляющие девяносто процентов любого творческого явления. И ещё — Венеция удивительно... равнодушный город. При всей карнавальности и внешней щедрости.

самые феерические работы. Этим и завлекательная экспозиция: мы погружаемся в атмосферу художественной жизни XVIII века и создаём не только самые-самые, но и обычные, проходные вещицы, составляющие девяносто процентов любого творческого явления. И ещё — Венеция удивительно... равнодушный город. При всей карнавальности и внешней щедрости.

самые феерические работы. Этим и завлекательная экспозиция: мы погружаемся в атмосферу художественной жизни XVIII века и создаём не только самые-самые, но и обычные, проходные вещицы, составляющие девяносто процентов любого творческого явления. И ещё — Венеция удивительно... равнодушный город. При всей карнавальности и внешней щедрости.

самые феерические работы. Этим и завлекательная экспозиция: мы погружаемся в атмосферу художественной жизни XVIII века и создаём не только самые-самые, но и обычные, проходные вещицы, составляющие девяносто процентов любого творческого явления. И ещё — Венеция удивительно... равнодушный город. При всей карнавальности и внешней щедрости.

самые феерические работы. Этим и завлекательная экспозиция: мы погружаемся в атмосферу художественной жизни XVIII века и создаём не только самые-самые, но и обычные, проходные вещицы, составляющие девяносто процентов любого творческого явления. И ещё — Венеция удивительно... равнодушный город. При всей карнавальности и внешней щедрости.

самые феерические работы. Этим и завлекательная экспозиция: мы погружаемся в атмосферу художественной жизни XVIII века и создаём не только самые-самые, но и обычные, проходные вещицы, составляющие девяносто процентов любого творческого явления. И ещё — Венеция удивительно... равнодушный город. При всей карнавальности и внешней щедрости.

самые феерические работы. Этим и завлекательная экспозиция: мы погружаемся в атмосферу художественной жизни XVIII века и создаём не только самые-самые, но и обычные, проходные вещицы, составляющие девяносто процентов любого творческого явления. И ещё — Венеция удивительно... равнодушный город. При всей карнавальности и внешней щедрости.

самые феерические работы. Этим и завлекательная экспозиция: мы погружаемся в атмосферу художественной жизни XVIII века и создаём не только самые-самые, но и обычные, проходные вещицы, составляющие девяносто процентов любого творческого явления. И ещё — Венеция удивительно... равнодушный город. При всей карнавальности и внешней щедрости.

самые феерические работы. Этим и завлекательная экспозиция: мы погружаемся в атмосферу художественной жизни XVIII века и создаём не только самые-самые, но и обычные, проходные вещицы, составляющие девяносто процентов любого творческого явления. И ещё — Венеция удивительно... равнодушный город. При всей карнавальности и внешней щедрости.

ГАЛИНА ИВАНКИНА